

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЛИВОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XV–XVI вв.:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ СТОРОН В ВОЙНЕ 1501–1503 гг.

Обращаясь к поздней истории Ливонского ордена¹ и Ливонской конфедерации в целом², нельзя обойти вниманием их отношения с восточными соседями – набиравшим силу Русским централизованным государством и фактически находившейся под протекторатом последней Псковской республикой. Особый интерес в этой связи представляет русско-ливонская война 1501–1503 гг., ставшая, с одной стороны, кульминацией определенного этапа русско-ливонских отношений, начавшегося со времени битвы при Шелони (1471 г.), а с другой, определившая характер таковых вплоть до Ливонской войны (1558–1583 гг.). Первоочередным является вопрос: какие внешнеполитические задачи ставила перед собой Ливония, развязывая войну с великим князем Московским? Отвечая на него, отечественные исследователи до недавнего времени настойчиво проводили мысль о крайней агрессивности Ливонского ландмейстерства по отношению к Русским землям и усматривали причины столкновения в стремлении немцев к территориальным захватам, и даже в попытке воспрепятствовать, если не обратить вспять, процесс централизации на Руси. При этом позиция Русского государства в отношении Ливонии обозначалась как исключительно миролюбивая и добрососедская³.

При анализе политической ситуации, сложившейся в Прибалтийском регионе на рубеже XV–XVI вв., приведенная точка зрения представляется малоубедительной: проблема целей ливонской стороны в войне 1501–1503 гг., безусловно, нуждается в более подробном и взвешенном рассмотрении.

Для выполнения этой задачи необходимо обратиться к историческим источникам, освещающим интересующий нас период русско-ливонских отношений. Наибольший интерес представляют акты договоров, заключенных Ливонией с Русским государством и Великим княжеством Литовским, отчеты ливонских посольств, рецессы ливонских ландтагов, а также обширная, содержащая множество ценных сведений, переписка гроссмейстера, ливонского ландмейстера, магистра Германии, других орденских чинов, ливонских городов⁴.

Важные сведения содержатся в нарративных источниках и, прежде всего, в «Ливонской хронике» Бальтазара Рюссова (1536/42–1602), охватывающей в целом период ливонской истории, начиная от появления немецких купцов в устье Двины (вторая половина XII в.) до 1583 г. Рюссов уделяет значительное внимание как русско-ливонским войнам 1480–1481 и 1501–1503 гг., обозначая мотивы, кото-

¹ Термин «Ливонский орден» носит условный характер и употребляется в отечественной историографии для обозначения Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена. Подобное наименование обусловлено известной автономией Ливонского ландмейстерства, которое английский исследователь Э. Латрел совершенно справедливо охарактеризовал как «полунезависимый режим с характеристиками отдельного орденского государства с собственной администрацией и своей политической линией» (см.: Латрел Э. Военно-монашеские ордена. 1312–1798 // История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1997. С. 380). Важно отметить, что после поражения крестоносцев при Грюнвальде (1410 г.) и, в особенности, после Тринадцатилетней войны с Польшей (1454–1466 гг.) и признания Тевтонским орденом сюзеренитета Ягеллонов, зависимость Ливонского ландмейстерства от гроссмейстера становится номинальной и с того времени оно фактически представляет собой самостоятельное государство.

² В состав Конфедерации входили, помимо орденских земель, владения рижского архиепископа, дерптского, эзель-викского и курляндского епископов, а также город Рига с принадлежавшими ему территориями.

³ См. напр.: История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассара и Г. Наана. Таллинн, 1961. Т. I: С древнейших времен до середины XIX века. С. 270–271; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 209–213, 220–221, 234; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 178–179.

⁴ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее: ПДСР). СПб., 1851. Ч. I; Die Recesse und andere Akten der Hansestage von 1477–1530. 3. Abt. (далее: HR3). Leipzig, 1881. Bd. I; Liv-, Est-und Curländisches Urkundenbuch (далее: LUB). Riga, 1910. Bd. XII; Liv-, Est-und Curländisches Urkundenbuch. 2. Abt. (далее: LUB2). Riga, 1910. Bd. I; Riga, Moskau, 1905. Bd. II; Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее: ГВНП).

рыми руководствовались немцы, вступая в военный конфликт, так и внутривосточной ситуации в Ливонии⁵.

Ряд любопытных сведений одержит еще одна, более поздняя, хроника Ливонии, написанная рижским бургомистром и бурграфом Францем Ниенштедтом. В целом его труд, подобно хронике Рюссова, начинается изложением событий, связанных с появлением немцев в Прибалтике, однако при этом Ниенштедт освещает события XII–XV вв. весьма кратко, разворачивая подробное повествование лишь с описания именно войны 1501–1503 гг. По большей части, хронист опирается на сведения, заимствованные у Рюссова, однако приводит и ряд новых данных, подчеркнутых, вероятно, из какого-то не дошедшего до нас исторического произведения⁶.

Наконец, весьма информативны и русские нарративные источники, из которых наиболее подробно русско-ливонские освещены в летописном наследии Пскова, расположенного в непосредственной близости к – Ливонии, имевшего с ней наиболее продолжительную границу, и, соответственно, ставшего основным театром военных действий в русско-ливонских военных конфликтах⁷.

Для определения задач Ливонии в войне 1501–1503 гг., прежде всего, необходимо установить внешнеполитическое положение Ливонской конфедерации к началу войны, обратиться к рассмотрению русско-ливонских отношений предшествующего периода.

Начало особого этапа в развитии русско-ливонских отношений связано с фактом включения Новгородской республики в состав единого Русского государства. Уже после поражения на Шелони Новгород обратился к ливонскому ландмейстеру Иоганну Вольтусу фон Герзе (1470–1471) с просьбой отказать в мире Пскову, выступавшему в новгородско-московской войне на стороне Ивана III⁸, и обезопасить, тем самым, новгородский тыл для дальнейшей борьбы с Москвой⁹. В письме гроссмейстеру от 13 августа 1471 г. Герзе, опасаясь подчинения Новгорода Москвой¹⁰, сообщал, что, в случае согласия епископата, непременно начнет войну с Псковом¹¹. Однако войны не произошло, поскольку еще 11 августа того же года Новгород заключил мир с Москвой, а несколько позже сам Герзе был смещен с занимаемой должности¹². Показательно, что наряду с обвинениями в коррупции и присвоении орденских доходов, ландмейстеру поставили в вину подготовку, вопреки мнению высших орденских чинов, к войне с псковичами¹³.

Упорное желание Герзе вмешаться в новгородско-московский конфликт трудно объяснить агрессивными планами в отношении русских земель. Вряд ли можно усомниться в том, что ландмейстер лишь всеми силами стремился сохранить status quo на восточной границе, сознавая, что соседство с обособленной Новгородской республикой, выступавшей то в качестве врага, то в роли союзника ливонцев, – гораздо менее опасно, чем общая граница с единым, несравненно более мощным в военно-политическом отношении, Русским государством.

Во время псковско-ливонских переговоров 1472–1474 гг. о продлении мирного договора под давлением московских дипломатов, а затем под угрозой вторжения

⁵ См.: Бальтазар Рюссов. Ливонская хроника (далее: Рюссов) / Пер. с лат. Е. В. Чешихина-Ветринского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / Под ред. Е. В. Чешихина-Ветринского (далее: Прибалтийский сборник). Рига, 1879. Т. II. С. 157–404.

⁶ См.: Ливонская летопись Франца Ниенштедта, бывшего рижского бургомистра и бурграфом (далее: Ниенштедт) / Пер. с лат. Е. В. Чешихина-Ветринского // Прибалтийский сборник. Рига, 1880. Т. III. С. 353–400.

⁷ См.: Псковская Первая летопись (далее: ПП) // Псковские летописи / Подг. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1; Псковская вторая летопись (далее: ПП) // Псковские летописи / Подг. А. Насонов. М., 1955. Вып. 2.

⁸ См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960. С. 852.

⁹ См.: LUB. Bd. XII. № 840.

¹⁰ «Для блага нашего Ордена и Ливонии не следует их (новгородцев – А. К.) оставлять без помощи, ибо если Новгород будет покорен московским королем и псковичами, да хранит Бог от этого, тогда господину рижскому архиепископу, господину епископу Дерптскому и нашему Ордену в Ливонии... следует ожидать все больших нападений и притеснений,... мы попадем в тяжелое положение и должны будем с ними заключить мир по их воле... или вести войну против всех них, что для нас будет очень тяжело» (Ibid. Приводится в переводе Н. А. Казаковой (*Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 145–146).

¹¹ См.: LUB. Bd. XII. №840.

¹² См.: Рюссов, 38. С. 285.

¹³ См.: Латрел Э. Указ. соч. С. 381.

великокняжеского войска¹⁴, Ливонии пришлось заключить мир на невыгодных для нее условиях, отказавшись от ряда спорных пограничных территорий¹⁵. Кроме того, московским дипломатам удалось навязать Ливонии два отдельных договора: один был заключен с Дерптом, другой – со всей остальной Ливонией, что вносило раскол в Конфедерацию и в случае войны, что оговаривалось специальными пунктами, делало невозможным союз Дерпта и Ордена¹⁶.

Новое обострение русско-ливонских отношений связано с присоединением Новгорода к Московскому государству в 1478 г.¹⁷ Еще в 1476 г. псковичи отняли у немцев восточную окраину архиепископской области Пурнау и возвели там укрепление Вышгородок¹⁸. Уже зимой 1477/78 гг., в ответ на сомнительное известие о том, что немцы собираются напасть на Псков, с одобрения великого князя был организован набег на Ливонию «охочих людей»¹⁹. В переписке ливонских городов и орденских чинов за 1479 г. неоднократно упоминается о готовности русских напасть на Ливонию, содержатся сведения о предпринятых немцами мерах по повышению обороноспособности²⁰.

Дело неудержимо шло к войне, которая разразилась в 1480–1481 гг. Сил у ливонцев достало лишь на взятие небольшого и, по-видимому, недостаточно защищенного Вышгородка²¹, неудачную осаду Гдова и Изборска²², а также на не имевшее определенного результата сражение с псковичами на озере в Пецкой губе в 1480 г.²³ Поход ландмейстера Бернда фон Борха (1471–1483) на Псков летом того же года также привел лишь к неудачной осаде города²⁴. На этом военная активность Ливонии была исчерпана. Зато Иван III «велел наместником новгородским, ... и посадником и тысецким, и всем моужем новгородцом со всею ратною приправою ехати... на Немцы со псковичами за псковскою обиду», после чего двадцатитысячное русское войско в течение месяца разоряло ливонские земли, взяв при этом Каркус, Феллин и Тарваст²⁵. Борх не нашел сил воспрепятствовать опустошительному вторжению, и после ухода русской рати в Новгород прибыли немецкие послы с просьбой о мире, который и был заключен 1 сентября того же года²⁶. Хотя Рюссов и объяснял неудачи ландмейстера отсутствием «помощи Господа»²⁷, они, очевидно, проистекали из явного недостатка стратегических ресурсов Ливонии для войны с Русским государством.

В ходе мирных переговоров 1481 г. московская дипломатия вновь продолжила линию на раскол Ливонии: с Дерптом и остальной частью Конфедерации были заключены отдельные соглашения, во многом напоминающие условия договора 1474 года. Однако, в отличие от них, особо прописывалась статья не только об обязательстве Дерпта не оказывать помощи Ордену, но подобное же требование было зафиксировано и в отношении Ордена к дерптскому епископу. Территори-

¹⁴ В ноябре 1473 г. в Псков с целью последующего похода на Ливонию прибыло войско великокняжеского воеводы князя Д. Д. Холмского (См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 148; Каргалов В. В. Указ. соч. С. 193).

¹⁵ См.: ПИЛ. С. 188–189; Stern C. Livlands Ostgrenze im Mittelalter von Peipus bis zur Düna // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1926. Bd. 23. S. 230–231, 237–238; Казакова Н. А. Указ. соч. С. 147.

¹⁶ См.: ГВНП. С. 135; Казакова Н. А. Указ. соч. С. 149, 153.

¹⁷ См.: ПИЛ. С. 75.

¹⁸ См.: Stern C. Livlands Ostgrenze...S. 231, 237–238; Idem. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert// Baltische Monatsschrift. Jg. 1937. H. 2. S. 74.

¹⁹ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 154.

²⁰ См.: HR3. Bd. I №266–270.

²¹ См.: HR3. Bd. I. №272; «Немцы...Вышгородок взяли, да и стену сожгли и церковь в городке святыи Борис и Глеб, а мужей и жен и детей малых мечем ссекли...» (ПИЛ. С. 76).

²² См.: ПИЛ. С. 76.

²³ «Сретошася в Пецкой гоебе на озере псковская сила с немецкою силою, ... а большая рать устояла и псковская и немецкая, и поехала псковичи ко Пскову, а немцы прочь лобегоша» (См.: Там же).

²⁴ «Магистр... напал на Россию, опустошительно прошел по этой стране и выжег предместье Пскова, ничего более не сделав» (См.: Рюссов, 39. С. 287; ПИЛ. С. 78).

²⁵ ПИЛ. С. 78–79.

²⁶ См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 163.

²⁷ Рюссов, 39. С. 287.

альные претензии Ливонии не получили удовлетворения, Русское государство же добилось ряда уступок, прежде всего в сфере русско-ливонской торговли²⁸.

В 80-е гг. XV в. в русско-ливонских отношениях наступает некоторое затишье, связанное с занятостью Московского правительства внутренними и восточными делами²⁹. С другой стороны, в 1481–1491 гг. ливонские ландесгерры также были заняты своими внутренними проблемами, связанными с возобновившейся в это время борьбой между Орденом и Рижским архиепископством³⁰. Однако ее Иван III и был в тот момент занят другими делами, то Псков, по-видимому предпринимал какие-то враждебные действия по отношению к Ливонии: находившийся в 1488 г. в Москве имперский посол Николай Поппель передал великому князю просьбу ландмейстера удержать псковичей от захвата немецких территорий, на что получил категорический отказ³¹.

По истечении десятилетнего срока действия договора 1481 г., Ливония выступила с инициативой заключения нового соглашения. В ходе переговоров 1491–1493 гг. Москва, стабилизируя к тому времени³² внутривосточную ситуацию вновь получила возможность дипломатического давления на Ливонию. Не удовлетворяясь условиями предыдущего договора, Иван III потребовал новых льгот своим купцам, а также соблюдения ливонской стороной формальностей определенно унижающих ее престиж: официально переговоры должны были вестись по «челобитью» немцев и не с самим великим князем, а лишь с его новгородскими наместниками. Протест Ливонии был отклонен самым категоричным образом³³, что было сопровождено возведением на русском берегу Наровы мощной крепости Ивангород³⁴. В конечном счете, ливонская сторона была вынуждена подписать договоры (псковско-дерптский, опять же, отдельно) на московских условиях³⁵.

Несмотря на заключенное соглашение, стабилизации русско-ливонских отношений не произошло. В 1494 г. в Ревеле, по приговору местного суда, были казнены двое русских, обвиненных в уголовных преступлениях³⁶. Хотя действия ревельцев вполне соответствовали нормам существующих русско-ганзейских и русско-ливонских отношений, этот инцидент был использован Иваном III для нового давления на Ливонию, на этот раз в форме репрессивных действий против Ганзы, а фактически против ливонских городов, экономика которых, по преимуществу, строилась на посреднической торговле с русскими землями. По распоряжению великого князя торговля с ганзейскими купцами была свернута, их торговый двор в Новгороде закрыт, находившиеся там немецкие купцы были арестованы, а их товары (на 96 тысяч марок) конфискованы³⁷.

Попытки ливонских городов урегулировать конфликт ни к чему не привели³⁸. Посредничество ландмейстера, снарядившего по этому поводу в 1494–1497 гг. в Новгород и Москву целых семь посольств, также не возымело успеха³⁹. В ходе переговоров Иван III предъявил ливонцам настоятельное требование выдать «злодеев» (ревельских судей)⁴⁰, что, разумеется, не имело под собой никакой правовой основы и грозило стать прецедентом к изменению традиционной юрисдикции. То же требование выдачи было выдвинуто и на русско-ганзейском съезде в Нарве в 1498 г.⁴¹ В конечном итоге, переговоры окончились провалом. Торговля

²⁸ См.: ПИЛ. С. 79; *Cosack H.* Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag // *Hansische Geschichtsblätter.* 1923. Jg. 48. Bd. XXVIII. S. 6. Anm. 9; S. 7. Anm. 10. *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 163–170.

²⁹ См.: *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 170; *Зимин Н. А.* Указ. соч. С. 55–92.

³⁰ См.: Рюсов, 39. С. 288; 40. С. 293.

³¹ См.: ПДСДР. Ч. I. Стлб. 9–10.

³² См.: *Зимин Н. А.* Указ. соч. С. 68.

³³ См.: ПДСДР. Ч. I. Стлб. 81–82.

³⁴ См.: *История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассара и Г. Наана.* Таллинн, 1961. Т. I. С. 27 *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 178.

³⁵ См.: *Cosack H.* Op. cit. Bd. XXXII. S. 92–93; *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 175–179; *Зимин Н. А.* Указ. соч. С. 101.

³⁶ См.: LUB2. Bd. I. № 647.

³⁷ Ibid. № 80.

³⁸ См.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 114; *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 275–276.

³⁹ См.: Там же. С. 274–278.

⁴⁰ LUB2. Bd. I. №384, 386, 507, 585.

⁴¹ См.: Ibid. № 647.

русских земель с Западом в ущерб ливонским городам была перенаправлена через Выборг⁴².

Беспокойство Ордена и ландмейстера Вальтера фон Плеттенберга (1494–1535)⁴³ вызывала не только экономическая, но и военная политика Русского государства. Уже в письме некоего Иоганна фон Ункеля Ревелю от 29 мая 1494 г. со ссылкой на информацию, полученную от приближенных великокняжеского наместника и новгородского епископа, сообщается о намерении Ивана III напасть на Ливонию⁴⁴. Опасения по поводу грядущего вторжения звучат и в письмах Плеттенберга прокуратору Тевтонского ордена в Риме от 21 июля и 29 ноября, гроссмейстеру от 21 ноября, а также в письме Нарвы Ревелю от 21 ноября того же года⁴⁵. В начале февраля 1495 г. о концентрации русских войск на границе и подготовке их к вторжению в письме ландмейстеру пишет фогт Нарвы⁴⁶. 18 декабря того же года Нарва сообщала Ревелю, со слов своего лазутчика, что великий князь начал сбор войск и приказал приступить к постройке военной дороги от Новгорода к Ивангороду⁴⁷. В целом, переписка орденских чинов и ливонских городов наполнена подобного рода опасениями⁴⁸.

В этой ситуации Плеттенберг предпринимает меры по повышению обороноспособности страны. В марте 1495 г. ландмейстер распоряжается о передислокации ревельских кнехтов, направив их ближе к границе, в Дерптское епископство⁴⁹; специально собирает ландтаг в Валке, где был принят ряд решений, касающихся вербовки кнехтов, обеспечения ливонского войска необходимым продовольствием и лошадьми⁵⁰. На другом ландтаге, также состоявшемся в Валке 3–6 июля 1498 г., было принято решение о приведении вооруженных сил Конфедерации в боевую готовность, а также о введении по всей Ливонии особого налога на военные нужды⁵¹.

Летом и в сентябре 1494 г. Плеттенберг обращается за помощью к гроссмейстеру Иоганну фон Тиффену (1489–1497)⁵², в марте 1496 г. договаривается с последним о беспрепятственном, в случае войны с русскими, прохождении через Пруссию вспомогательного отряда померанского герцога⁵³. В июне 1497 г. ландмейстер пишет магистру Германии о намерении отправить посольство к императору, чтобы просить о предоставлении налогов, собираемых в землях Ордена и в приморских городах, для нужд Ливонии⁵⁴. В письме от 3 июня 1498 г. Плеттенберг вновь простит Тиффена позаботиться об интересах Ливонии⁵⁵, а в сентябре конкретизирует свою просьбу, желая, чтобы гроссмейстер предоставил для его нужд налоги, собираемые в Мекленбурге и Померании⁵⁶. В конце 1499 г. ландмейстер пытается заключить антирусский союз с Данией⁵⁷. Кроме того, Плеттенберг настойчиво ищет поддержки у Империи, по большей части, через посредничество гроссмейстера и папы⁵⁸. То есть, понимая на опыте войны 1480–1481 гг., что одних только ливонских сил для военного противостояния Русскому государству недостаточно, Плеттенберг пытался заручиться помощью за пределами Конфедерации.

Вопрос о положении Ливонии обсуждался на рейхстаге в Вормсе летом 1495 г., на котором было принято об оказании ей помощи в случае войны с Рус-

⁴² См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 296–297.

⁴³ О деятельности Плеттенберга см. новейшую работу: Бессуднова М. Б. Магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг и проблема преобразования Ливонского орденского государства на рубеже XV–XVI вв.: Дисс... канд. истор. наук. М., 2003.

⁴⁴ См.: LUB2. Bd. I. № 2.

⁴⁵ См.: Ibid. № 27, 56, 85, 88.

⁴⁶ См.: Ibid. № 149.

⁴⁷ См.: Ibid. № 290.

⁴⁸ См.: Ibid. № 346, 400, 410, 413, 429, 447, 483, 550.

⁴⁹ См.: Ibid. № 149.

⁵⁰ См.: Akten und Recesse der livländischen Ständetage (далее: AR). Riga, 1909. Bd. III. № 2.

⁵¹ См.: AR. Bd. III. № 10. См. также: Lenz W. Die Auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga, a. s. S. 23–24; История Эстонской ССР. С. 272.

⁵² См.: LUB2. Bd. I. № 27, 88.

⁵³ См.: Ibid. № 328.

⁵⁴ См.: Ibid. № 519.

⁵⁵ См.: Ibid. № 550.

⁵⁶ См.: Ibid. № 407.

⁵⁷ См.: Ibid. № 835, 871.

⁵⁸ См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 208–209, 215.

ским государством⁵⁹. Однако уже в феврале 1497 г. рейхстаг отложил рассмотрение ливонского вопроса до следующего раза⁶⁰, которого, впрочем, не случилось. Столь же пассивной оказалась и позиция императора Максимилиана (1493–1519)⁶¹.

Гроссмейстер оказал Ливонии дипломатическую поддержку, но отнюдь не военную или финансовую: являясь с 1466 г. вассалом польского короля, он был вынужден направить свои усилия не против Русского государства, а на участие в подготавливаемом Яном Ольбрахтом (1492–1501) походе на турок (фактически – против валашского господаря)⁶².

Папа Александр VI (1492–1503) разрешил проповедь крестового похода против русских в Швеции и Ливонии, обещая его участникам отпущение грехов, однако не инициировал широкой общеевропейской крестоносной пропаганды и не предоставил ливонцам запрашиваемых Орденом средств от продажи индульгенций⁶³.

Провалом закончились и ливонско-датские переговоры: Дания еще в 1493 г. заключила союз с Россией против Швеции и разрыв его считала для себя невыгодным⁶⁴.

В условиях фактической внешнеполитической изоляции единственным потенциальным союзником Ливонии стал ее былой злейший враг – Литва. В июне 1501 г. великий князь Литовский Александр Казимирович, который начал в это время войну с Русским государством⁶⁵, направил в Ливонию посольство с предложением союза против Ивана III⁶⁶. В договорной грамоте, ратифицированной в 1501 г., в качестве причины ливонско-литовского обозначается стремление Ивана III к агрессии против «христианских государств»⁶⁷. Рюссов также объясняет вступление Ливонии в военный союз против Ивана III тем, что «Русский совершенно был склонен к войне, и, вопреки всяким справедливым причинам, навязался на нее...»⁶⁸. Ниенштедт сообщает о причинах войны: «Московит пронюхал,... что в Ливонии завелись... раздоры⁶⁹... и подумал, по евангельскому слову, что царство, разделившееся само в себе, не может долго устоять. По этой причине он захотел порадеть о своей выгоде,... полагая, что теперь... самое... время покорить Ливонию»⁷⁰.

Н. А. Казакова, обосновывая точку зрения об агрессивной политике Ордена, акцентирует внимание на той статье договора, в которой оговаривается раздел возможных завоеваний⁷¹. Однако осуществление в ходе войны известных территориальных захватов считалось само собой разумеющимся и отнюдь не свидетельствует, что они изначально являлись целью военной кампании. Весьма показательно и вводное слово к упомянутой статье – «если», указывающее, что не только успех, но и сама вероятность наступательной войны для союзников были сомнительны.

Совместный поход против русских был запланирован на 25 июля 1501 г.⁷², но позднее, в связи с вовлечением Александра Казимировича в борьбу за неожиданно освободившийся польский престол, выступление было перенесено на 28 августа⁷³. Но уже 1 августа 1501 г. в Псков прибыли великокняжеские войска во главе с В. В. Шуйским и Д. А. Пенко⁷⁴. Быстрая реакция русской стороны определенно свидетельствует, что ливонское вторжение отнюдь не явилось для Москвы неожиданностью. 22 и 23 августа великокняжеская рать и псковичи выступили к

⁵⁹ См.: LUB2. Bd. I. № 247–250.

⁶⁰ См.: Ibid. № 489.

⁶¹ См.: Ibid. № 215.

⁶² См.: Ibid. № 535. См. также: *Forstreuter K.* Preussen und Russland im Mittelalter // *Osteuropäische Forschungen*. N. F. Bd. 25. Königsberg; B., 1938. S. 53–54.

⁶³ См.: LUB2. Bd. I. № 364; HR3. Bd. I. № 597.

⁶⁴ См.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 115–116; *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 202, 215.

⁶⁵ См.: *Зимин Н. А.* Указ. соч. С. 184–186.

⁶⁶ См.: LUB2. Bd. I. № 995, 1005, 1025, 1055.

⁶⁷ Ibid. Bd. II. № 45, 127.

⁶⁸ Рюссов, 41. С. 298.

⁶⁹ Имеется в виду распря между Орденом и рижским архиепископом.

⁷⁰ Ниенштедт, XXIV. С. 395.

⁷¹ См.: *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 218–221.

⁷² См.: LUB2. Bd. I. №1023.

⁷³ Ibid. Bd. II. №140, 144.

⁷⁴ См.: ПЛ. С. 85.

границе⁷⁵, которую 26–27 августа перешли ливонские войска (около 6 000 человек), собиравшиеся 29 августа соединиться с литовцами у Острова⁷⁶. Однако уже 27 августа оба войска столкнулись в бою на реке Серице (в десяти верстах от Изборска), где русская рать потерпела сокрушительное поражение⁷⁷.

Следует обратить внимание на то, как повел себя Плеттенберг после разгрома противника, когда ему была открыта дорога и на Псков, и на Новгород. На следующий день после сражения на Серице ливонцы обстреляли Изборск, а затем двинулись к Острову на соединение с войском Александра Казимировича⁷⁸. Однако, не дождавшись союзников, немцы 7 сентября взяли и сожгли Остров, а затем ушли в Ливонию⁷⁹. Рюссов объясняет уход Плеттенберга тем, что в его войске разразилась эпидемия дизентерии⁸⁰. Немаловажной причиной стало отсутствие литовской помощи. Думается, однако, что дело было не только и не столько в этом, сколько в том, что ландмейстер не мог не осознавать, неосуществимости захвата и, что в особенности важно, последующего удержания русских городов. По этой причине он не только не попытался взять Псков, что было на тот момент задачей нелегкой, но, безусловно, вполне решимой, но не приложил сколько-нибудь серьезных усилий для взятия Изборска, и даже не попытался укрепиться в Острове.

В ноябре 1501 г. состоялось опустошительное вторжение русских войск, разгромивших под Гельметом отряды дерптского епископа и огнем и мечом прошедших по Восточной Эстонии⁸¹. Плеттенберг не сумел вовремя организовать отпора, однако в следующем году развернул активную подготовку нового вторжения, вылившуюся в знаменитый поход 1502 г. на Псков.

Если принять мнение об агрессивных устремлениях Ордена, то действия ландмейстера во время этой кампании выглядят весьма нелогичными. Выступив в поход, по сообщению хрониста, с 25-тысячным войском, не дойдя до Пскова, ландмейстер оставляет большую часть его на месте, а сам, всего лишь с 5 тыс. воинов направляется к городу⁸². После трех дней довольно-таки малоактивной осады ливонцы отходят от города к находившемуся неподалеку озеру Смолин и в течение нескольких дней не предпринимают никаких действий. 13 сентября к расположению ландмейстерского отряда подошло 18-тысячное войско из новгородцев, псковичей и великокняжеских воинов. Несмотря на почти четырехкратное численное превосходство, русская рать потерпела тяжелое поражение⁸³. Даже при условии значительных потерь у Плеттенберга оставался еще 20-тысячный резерв, однако вместо, казалось бы, логичного захвата Пскова (что, по мнению Н. А. Казаковой являлось главной целью всей кампании⁸⁴), лишившегося защитников, ландмейстер уходит в Ливонию.

В декабре Александр Казимирович, добившийся польской короны и более не заинтересованный в активном разрешении территориальных споров на восточных границах Великого княжества Литовского, выступил с инициативой мирных переговоров с Москвой, предложив Плеттенбергу их совместное ведение. Ливония, будучи неспособна к противостоянию с Русским государством в одиночку, согласилась с предложением своего союзника. В ходе переговоров 1503 г., когда было заключено русско-ливонское перемирие, а также во время переговоров 1509 г., предшествовавших заключению русско-ливонского мирного договора, Москва вновь выдвинула фактически те же жесткие требования, что и раньше, даже несколько их расширила. Ливония вновь была вынуждена их принять, однако после

⁷⁵ См.: Там же.

⁷⁶ См.: LUB2. Bd. II. № 177.

⁷⁷ См.: Рюссов, 41. С. 298; Ниенштедт, XXIV. С. 396; ПИЛ. С. 85–86.

⁷⁸ См.: ПИЛ. С. 86; Рюссов, 41. С. 298.

⁷⁹ См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 223–224. Рюссов объясняет нарушение литовцами союзнических обязательств занятостью Александра Казимировича польскими делами (Рюссов, 41. С. 298).

⁸⁰ См.: Рюссов, 41. С. 299.

⁸¹ См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 224–226.

⁸² См.: LUB2. Bd. II. № 382.

⁸³ См.: Рюссов, 41. С. 297–298; Ниенштедт, XXIV. С. 396; ГИЛ. С. 87–88. Следует отметить, что победа ливонцев у озера Смолин, как и более ранней битве на Серице, в немалой степени связана со значительным превосходством в полевой артиллерии, каковая в великокняжеском войске в начале XVI в. только стала появляться (См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954. С. 38).

⁸⁴ См.: Казакова Н. А. Указ. соч. С. 233–234. LUB2. Bd. II. № 382.

1509 г., на русско-ливонской границе почти на полстолетия установился прочный мир, чего не происходило по итогам соглашений 1474, 1481 и 1493 гг.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. На протяжении 1471–1501 гг. ливонская конфедерация столкнулась могущественным соседом – Русским государством, проводившим по отношению значительно более слабой Ливонии политику постоянного давления, что выразилось, прежде всего, в прямой территориальной экспансии, навязывании ливонской стороне неравноправных договоров, в попытках политически расколоть Ливонскую конфедерацию, а также подорвать ее экономику.

2. Ливонская конфедерация, не располагая силами, достаточными для противоборства с Русским государством, что, в особенности, проявилось в ходе войны 1480–1481 гг., вновь и вновь идет ему на уступки.

3. Вступив в войну против Русского государства в союзе с сильным Великим княжеством Литовским, Ливония добивается ряда тактических военных успехов однако их не развивает и не пытается закрепиться на русской территории, и, конечном итоге, добивается прочного мира с Москвой, практически на полвека обезопасив свои границы.

4. Внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Ливония в 1471–1501 гг., ее дипломатическая и военная деятельность этого периода, а также характер стратегии Плеттенберга в войне 1501–1503 г. позволяет обозначить военную доктрину указанной войны, как идею сдерживания вероятной русской агрессии единственно возможным в тех условиях путем – посредством альянса с могущественным союзником, и нанесения превентивного удара, направленного на уничтожение живой силы противника, на демонстрацию способности Ливонской конфедерации в случае решительного противостояния стать серьезным противником.